

Отзыв на автореферат диссертации
«Культурные связи кочевых народов Центральной Азии и Северной Индии
в эпоху раннего железного века»,
представленной В. Л. Денисенко на соискание членской степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология
в Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

В истории Индии, особенно ее северной половины, огромную роль играли нашествия различных завоевателей с северо-западной стороны. Начиная с прихода индо-арийцев, через ахеменидскую власть в Индии, поход Александра Македонского, индо-греков и индо-парфян, сасанидов, иранских «гуннов», ранних тюрков, Газневидов, Гуридов, династию Лоди и кончая Великими Моголами власть в той или иной части Индии принадлежала пришельцам из-за Гиндукуша. Эта схема развития была изменена только европейскими колонизаторами, пришедшими по морю.

Пути этих завоеваний, кооптация автохтонного населения и новопришедшей элиты, растворение пришельцев в культуре субконтинента являются очень важным вопросом истории Южной Азии и ее соседей.

Среди этих завоевателей, вероятно, самыми загадочными остаются *шака* – *саки* или *индо-скифы* и *юэчжи* – *тохары*, основавшие империю Кушан. Именно вопросам маршрута, распространения и исчезновения этих народов на Субконтиненте посвящена диссертация Валерии Леонтьевны Денисенко. Сразу же надо сказать, что эти темы, с одной стороны, страдают от очень ограниченного числа и туманности источников (достаточно сказать, что о языках индо-скифов и кушан мы можем судить почти исключительно по ономастике в иноязычной передаче), а с другой – являются объектом огромного числа литературы последних двух столетий. Взгляды и методы авторов (археологов, нумизматов, историков, эпиграфистов, буддологов и т. д.), различные научные школы могут настолько отличаться друг от друга, что учесть эти труды и как-то гармонизировать их – очень сложная научная задача, и сразу заметим, что диссертанту удалось с ней достойно справиться.

В своей работе Е. Л. Денисенко исследует последовательно историографию вопроса; письменные источники (включая эпиграфику и нумизматику); материальную культуру от рядовых захоронений до династических храмов; и приводит свои выводы о миграциях саков и юэчжей и их последствиях. Каждый из этих вопросов требует применения различных методов – от переводов пуранического санскрита до ГИС-моделей археологических памятников, все эти методы охарактеризованы в автореферате.

Первая глава диссертации посвящена историографии изучения проблемы. Автор разделяет историю изучения на три периода: колониальный (с XVIII в. по 1913), второй: период накопления источниковой базы (1914 – 1968) и третий, аналитический (с 1969 г. по сию пору). Границами между периодами стали две конференции по кушанской проблеме, в Лондоне (1913 г.) и в Душанбе (1968 г.), соответственно. Не могу сказать, что эта классификация меня полностью устраивает: в ней смешаны политическая история (колониализм) и история науки, колониальный период Южной Азии закончился, как известно, в 1947 году, и значимость душанбинской конференции (безусловно, важной в

историографии Таджикистана) представляется переоцененной. Я бы установил начало второго периода с формированием Archaeological Survey of India (1861 г) и проведением первых относительно планомерных раскопок, а третьего – с 1990-х гг., когда была открыта Рабатакская надпись и иные письменные источники из Афганистана, а археология бывшей советской Средней Азии, так сказать, «открылась миру»; вскоре (2001) Харри Фалк обосновал дату Канишки в 127 году¹, с чем сейчас согласно большинство исследователей. Надо заметить, что любое подобное деление наверняка нашло бы оппонентов. Вместе с тем, автором учтен огромный объем литературы (без малого 800 работ!) на русском, основных европейских, китайском языках и даже оригинальные санскритские источники; редкая диссертация по археологии имеет столь богатую библиографию.

Вторая глава посвящена письменным и нумизматическим источникам. Она касается как исторических и географических текстов древнего Китая, Средиземноморья, так и собственно индийских источников, понимание которых затруднено смешением исторического и реального повествования (отрывки из Юга-пурана и Раджатарангини переведены автором самостоятельно), эпиграфики и монетного материала. Под «иранскими письменными источниками» (с. 11 автореферата) автор подразумевает исторические труды ат-Табари, Мовсеса Хоренского, Павстоса Бузанта и Себеоса. Безусловно, они излагают историю Центральной Азии под сасанидской «оптикой», однако иранскими в строгом смысле не являются: первый написан на арабском, остальные – древнеармянские. Автор дает характеристику эпиграфических памятников индо-скифов и кушан, показывает постепенный переход от языка гандхари письмом кхароштхи к эпиграфическому гибриднему санскриту в записи брахми, использует бактрийские надписи греческим и так называемым «неизвестным» письмом.

В третьей главе исследуются археологические источники. Первыми идут погребальные практики. Автор солидаризируется с Б. А. Литвинским в том, что в Индию первыми двинулись саки Памира. В качестве доказательства приводится наличие индийских импортов в памирских захоронениях. Это наблюдение является важным аргументом о связях между Индией и Крышей Мира, но оно едва ли может указывать миграционный процесс с севера на юг. Что же до юэчжей, В. Л. Денисенко вслед за Ю. А. Заднепровским полагает, что подбойные захоронения являлись шибболетом движения юэчжей от культуры Шацзин в Ганьсу через Джунгарию в Семиречье, а оттуда в Фергану, Согд и Бактрию. Надо заметить, что подбойными захоронениями изобилуют различные сарматские культуры от Крыма до Казахстана, и связывать их все с юэчжами, по-видимому, не стоит. Наиболее сложный вопрос: почему какие бы то ни было курганные захоронения полностью исчезают к югу от Гиндукуша? В индийской традиции, как известно, захоронений как таковых нет и распространена кремация. Автор полагает, что кочевники, придя в субконтинент, сначала ингумировали костяки в ступы, а затем помещали в ступы реликварии с прахом и вотивами. Однако костяков в ступах найдено весьма немного; не могут ли какие-то из них быть вторичными погребениями? (Иллюстраций к ингумациям в

¹ На с. 3 автореферата определение даты Канишки связывается с прочтением Рабатакской надписи. В действительности, Н. Симс-Уильямс и Дж. Крибб в первой публикации надписи выступали за несколько более раннюю дату, и позднее согласились с доводами Фалька.

ступах в диссертации не приводится). В заключении автор указывает на необходимость поиска ингумаций в Индостане.

Следующий раздел главы посвящен петроглифам. Автор уверенно показывает связь между изображениями копытных с вписанными волютами на огромной территории между верховьями Инда, Цинхаем, Южной Сибирью и Тянь-Шанем, что очевидно указывает на культурную и, вероятно, этническую общность. Далее автор разбирает скульптуру – от миниатюрной терракоты (преимущественно, Среднеазиатское Междуречье) до буддийских композиций гандхарского и матхурского стиля, в формировании которых она видит также участие кушанов. Разбираются и изображения в центральноазиатских одеяниях на сценах поклонения, и скульптуры царей («Канишка» из частного собрания в Сеуле кажется мне весьма сомнительным). Завершает главу раздел о династических храмах. Характеризуются их общие черты проглядывающие вопреки географическим и религиозным различиям, обосновывается селевкидский источник культа царя.

Завершающий раздел диссертации – изучение древних миграций. Автор приходит к выводу, что саки пришли в Индию с Памира и Тянь-Шаня через верховья Инда. Дальнейшее их продвижение в Северо-Западную Индию совпало с эллинизацией культуры, развитие государства западных кшатрапов объясняется из сакского субстрата. Почти ничего не говорится о дальнейшей миграции саков в Дрангиану – Сакастан – Сейстан. Юэчжи по мнению автора (вслед за китайскими источниками и гипотезой Заднепровского) начали движение из Ганьсу и далее через Иссык-куль и Семиречье пришли в Фергану и Среднюю Азию, а оттуда – на территорию Афганистана, где образовалось Кушанское государство. Кушаны спустились в бассейн Инда и Ганга, где продолжали править, уже уступив Бактрию Сасанидам. Особо ценный раздел диссертации – анализ памятников кушанского времени из Кашмира.

В заключении суммируются выводы диссертации. Они выглядят внутренне непротиворечивыми, а уж насколько научное сообщество примет гипотезы В. Л. Денисенко – покажет время.

Работа, построенная на таком объеме самых разноплановых источников, не может быть свободна от небольших огрех. Так, утверждение, что не известно ни одной надписи Васудевы на бактрийском (с. 101 диссертации) неверно – опубликована надписанная пиксида². Бактрийский термин для храма не *bagolago*, а *bagolaggo* (читается как *baylāṅ*). Храм в Немруд-даге не селевкидский (с. 151) и не парфянский (с. 155), его построил Антиох I Теос, правитель небольшой Коммагены с ирано-греко-армянскими корнями. Имя царя Мауэса в гандхарской форме *Moasa* неверно. Основа *Moa*, а *Moasa* – родительный падеж (санскритское *-sya*). Странна транскрипция имени (индо)-парфянского царя Вононес и тем более Фонон (с. 179), в русском общепринято написание *Вонон*. Список памятников с кушанскими слоями из Таджикистана (где пропал, например, Халкаджар) и Афганистана можно было бы существенно расширить при использовании археологических карт и

² N. Sims-Williams, H. Falk. A Decorated Silver Pixis from the time of Vāsudeva // Team Turfanforschung (ed.) Zur lichten Heimat. Studien zu Manichäismus, Iranistik und Zentralasienkunde in Gedenken an Werner Sunderman / Iranica 25. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017. P. 121 – 138.

газеттира³, а памятники на территории Туркменистана (например, Бобошов) не упомянуты вообще. Диссертант не принимает во внимание, что монеты, которые Евгений Владиславович (не Владимирович, как на с. 41) и его ученики принимали за чекан Канишки III, современные ученые относят к Канишке II, что очень важно при определении домена поздних Кушан. Странно выглядит слово «тетрадрахм» вместо привычного для русского языка «тетрадрахма».

Однако эти недочеты никак не умаляют значения труда Валерии Леонтьевны Денисенко, того огромного объема работы, который она проделала при написании диссертации, того мастерства, который она продемонстрировала при анализе самых разнообразных источников. Рецензент не сомневается в том, что диссертант достойна присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности археология.

Отзыв подготовил к. филол. н., заведующий сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма
Отдела Востока Государственного Эрмитажа

П. Б. Лурье

07.10.2025 г.

Отзыв П. Б. Лурье заверила М. М. Дандамаева, ученый секретарь Государственного
Эрмитажа

М. М. Дандамаева

³ Напр., Филимонова Т. Г. и др. Яванский район; район Джалалиддина Балхи / Археологическая карта Таджикистана. Душанбе, 2016, 2019; Ball Warwick. Archaeological Gazetteer of Afghanistan: Revised Edition/ Oxford: University press, 2019.